

Злодеи из криминальных романов прошлого боялись армейского револьвера доктора Уотсона и с готовностью каялись в своих преступлениях, стоило Шерлоку Холмсу, Эркюлю Пуаро или тишайшей мисс Марпл без особых доказательств выложить истину. В общем, были фраера, если пользоваться терминологией врагов Льва Ивановича Гурова, чей послужной список более четверти века ведет писатель Николай Леонов. За это время Гуров дослужился до полковника милиции, был бит, стрелян и женат. Автор говорит о нем как о живом.

Николай ЛЕОНОВ:

В следующем романе Гуров спасет Президента

— Сейчас он снова пытается жениться. Несчастный человек — на ком попало он не женится, а женщина достойная, умная, красивая требует внимания и времени. У оперативника с этим всегда туго, и, кроме того, с любимой женщиной он становится очень уязвим для преступников. Так можно взять только его самого, что сложно, а когда близкий человек рядом...

— Николай Иванович, мне кажется, ваши взгляды и взгляды Гурова во многом сходятся.

— Да Гуров — это просто я, только в улучшенном варианте. Я, конечно, не был таким гениальным сыщиком, хотя десять лет проработал в МУРе. Но его мировоззрение, отношение к власти, к начальству — это все мое.

— В том числе и, мягко говоря, скептическое отношение к службам госбезопасности?

— Да. Я ведь работал с кагебешниками по делу валютчиков Файбишенко и Рокотова. Вы, наверное, не помните...

— Я просто знаю. Хрущев их приказал расстрелять, придав закону обратную силу...

— Скандал был колоссальный, это же нарушение всей мировой юридической практики. А началось с того, что на группировку, на низы, вышли мы, а не комитет. Потом он забрал у нас дело, но источники-то забрали невозможно. Я на лучших агентов папок не заводил, и никто не заводил. Взаимоотношения с агентом очень тонкие: ты должен человека не обидеть, должен не заставлять его сдавать близких ему людей, должен его не подставить, когда реализуешь полученную от него информацию. Если агент и зарегистрирован, он не станет разговаривать даже с моим начальником, пока я не скажу: вот, мол, хороший человек, с ним ты можешь быть откровенным... Начали кагебешники работать с нами, и выяснилось, что они совершенно беспомощные люди. Не могли войти в квартиру — надо же знать, где может стоять человек с оружием, чтобы не получить пулю в живот. Или ведем втроем одного человека, смотрим, кагебеш-

ник потерялся в толпе. Раций тогда не было — значит в конце дня придем в контору, он будет сидеть дожидаться. Винить их за это было нельзя. В оперативной работе сколько преступников ты задержал, сколько обысков провел, сколько трупов осмотрел — такая тебе и цена. А они не вели активную работу — следили за инакомыслящими, разрабатывали иностранцев.

— Вот вы сейчас это рассказываете — а в душе труба «повестку» не играет?

— Это боль моя. Я тут месяца два назад зашел в МУР: бегут по коридорам двадцатилетние пацаны, три года он отработал в МУРе — считается асом. Какой он ас?! Я десять лет проработал и все еще назывался Колей, потому что были рядом люди, проработавшие по тридцать лет. Называешь им приметы бандита — они на память, не заглядывая в картотеку, дают фамилию, имя, отчество, адрес и вдобавок адрес любовницы.

— Значит, при советской власти было лучше?

— Хуже. Милиция была профессионально сильнее не за счет власти, а вопреки. В любой момент власть могла тебе приказывать что угодно, не особенно считаясь с законом. Если ты отказывался, у тебя просто забирали дело и передавали другому, а в «кадрах» против твоей фамилии появлялась жирная галка. У меня их набралось столько, что, когда я подал рапорт об увольнении, кадровики облебенно вздохнули. Я очень поздно, на излете сообразил, что служу взяточникам и проходивцам. И то, что главный преступник — Ленин, я понял только лет тридцать назад, когда мне самому было тридцать три. А сейчас? Все общество разложилось. Вот варится котел, а там — всего: врачей, педагогов, инженеров, милиционеров... Может в общем соусе кто-то пахнуть лучше, чем другие?

— В свое время для оздоровления милиции на руководящие должности ставили партийных функционеров, и такие генералы от КПСС есть в ваших романах. Наверное, были и в вашей жизни?

— Я служил под началом такого человека. Секретаря райкома прислали к нам начальником от-

дела Управления уголовного розыска. Это должен быть ас. Это ключевое звено, где решается все самое сложное. А он понятия не имел, чем мы занимаемся. Я однажды получил сообщение от камерного агента, содержавшегося под стражей: его сокамерник говорил, где спрятано оружие. И этот начальник отдела на совсекретном бланке с красной полосой пишет мне резолюцию: «Леонову. Допросить фигурантов по существу вопроса». Ему очень нравилось слово «фигуранты». На деле это означало, что моего агента в камере повесят. Ведь стоит мне затронуть на допросе эту тему, как преступник будет знать, что мне донесли. Словом, я показал этот бланк с резолюцией более высокому начальству и не считаю, что поступил подло. Очень скоро этого райкомовца от нас убрали. А год спустя встречаю его — он в генеральском мундире. Похлопал меня по плечу: «Ты майора еще не получил? А я вот генерал!» Ну и я позволил себе ответить ему на «ты». Укрепил он наши ряды. Посмешил всех, довел до инфаркта хорошего человека... Но это длинная история.

— Потому и ваш Гуров мечется? То его выгоняют из МУРа, то сам уходит, потом возвращается...

— Невозможно было терпеть бессмысленность всего, что там происходило. Я об этом иногда пишу: хорошим оперативником считается не тот, кто хорошо сделал, а тот, кто хорошо отчитался... Вот я написал Льва Ивановича Гурова, а потом узнал об Александре Ивановиче Гурове, генерале, который был начальником 6-го Главного управления по борьбе с организованной преступностью. Мы с ним дружны до сих пор. Уволили его. Система не терпит свободомыслия. Никакое начальство не желает слушать, что ты думаешь, как бы ты ни был прав. Оно желает слушать то, что желает слушать, и если ты не пытаешься угадать и сказать удобное начальству, то ты не нужен.

— По многим рейтингам вы сейчас самый «продаваемый» из отечественных авторов детектива.

— Я за этим не слежу. Издатели иногда подбрасывают мне цифры — получается, что действительно у меня первая позиция в детективной литературе. Не из-за того, что я хороший писатель, — я средний писатель, но хороший сочинитель, это

— Да я уже в ЦДЛ не хожу лет двадцать. Там было интересно в шестидесятые годы, когда я еще работал в МУРе. Так сложилось, что я познакомился с Аксеновым, Гладилыным, Максимовым, Окуджавой... Я был чемпионом Москвы по настольному теннису, а в ЦДЛ стоял стол, и все со мной играли. Евтушенко просто с ума сходил, когда я давал ему десять очков форы и выигрывал. Потом мы шли в Пестрый зал, выпивали по рюмке коньяку, и они вели свои литературные разговоры. А я система самообучающаяся. Мне было интересно, почему они ругают книгу, которая мне нравится. Перечитаю — вижу, что действительно слабо... Ну и меня просили рассказать, что там в МУРе. Но в МУРе все либо совершенно неинтересно, либо совершенно секретно, поэтому я выдумывал истории, в которых обязательно выглядел плоховато, чтобы не подумали, что я хвастаюсь. В это время приехал из Краснодара Георгий Садовников, милейший человек, тогда молодой писатель. Только что попал в Москву, неизвестно, на что жить. Ему говорят: Колька тебе расскажет, а ты напиши детектив — подкормимся. И я ему начал не рассказывать. Я ему начал писать, как умел: русскими буквами. Получилась «рыба», по которой он писал книгу. Меня злило, что он работает медленно. Я же не понимал в этом ничего, мне казалось, что все можно сделать гораздо быстрее, и я написал повесть «Пристапую к задержанию», которая вышла раньше нашего с Садовниковым «Мастера». Недавно это все переиздали, и я вижу, что мои ранние вещи просто ужасны, а Садовников написал очень прилично. Я был у него буквально два дня назад, отвез его часть гонорара. Оказалось, чуть ли не от голодной смерти его спас — он бедно живет, нужны какие-то лекарства...

— Как относитесь к вам критика?

— Несколько статей за тридцать лет. С критиками же надо встречаться, дарить им свои книги, говорить разные слова. А я если где и бываю, то в Доме кино; меня там знают — все же по моим вещам снято десять фильмов, и потом, у киношников нет той фанаберии, которой грешат писатели. Я вообще не тусовщик. Мне интересно сделать дело, как в шестидесятые годы, когда мы с ефремовским «Современником» снимали «Трактор на Пятницкой».

— Тот фильм, который я помню, снят позже и не с «Современником».

— Это был четырехсерийный телеспектакль с блестящим актерским составом: Козаков, Мягков, Даль, Кваша, Евстигнеев, Валентин Никулин... Мишу Кононова пригласили не из «Современника» — на роль Пашки Америки у них не нашлось такого молодого человека... Телевизионная техника была на уровне каменного века: серию в пятьдесят минут снимали одним куском, без остановки. Если, например, с пульта говорят: «Стоп, микрофон в кадре», то надо все снимать сначала. Я помню, Кваша, уходя из декорации, уронил дверь. Сообразил: поставил ее на место, сказал: «Рухлядь какая!» — и спас отснятый материал. Работали в варварских условиях: утром у них репетиция в театре, вечером спектакль, ночью съемки. Причем все знали, что фильм не останется. Вечером его показали по телевидению, утром повторили, а потом стерли. На всю студию была одна записывающая головка, она же считывала запись, но через месяц работы стиралась и уже не могла прочитать записанное. Сейчас бы посмотреть тот фильм... Честно говоря, я уже несколько лет не был в «Современнике». Не то чтобы мы поссорились, а просто постарели, да и театр стал другой.

— Что лежит сейчас на вашем письменном столе?

— А что за окном, то и на столе. У меня в каждом из восьми последних романов действие происходит сегодня. Сейчас оно на месяц запаздывает, потому что все должно случиться до выборов. Гуров спасет Президента.

— Он уже спас Хасбулатова накануне путча 93-го года. По-моему, зря. А если без шуток — откуда информация?

— Фабула, конечно, вымышленная, а реалии отсюда же, из-за окна. Я знаю политический расклад, знаю, как у нас относятся к властям, сколько стоит колбаса и сколько люди зарабатывают. И как расслоилась уголовная среда, которая теперь уже не та, с которой я имел дело, когда работал в МУРе.

— Тогда последний вопрос: когда прекратят стрелять на улицах?

— Когда разделат сферы влияния. Из воров в законе половина выжила из ума, они не понимают, на какой земле живут. Но, с другой стороны, они контролируют зоны, поэтому криминальные авторитеты вынуждены с ними считаться. Кроме того, среди крупных авторитетов многие хотят уйти в легальный бизнес, им уже жалко рисковать здоровьем и имуществом. Но отпускают не всех — они же имеют криминальные связи, криминальные обязательства, с которыми не так просто расстаться. В общем, они все время выясняют отношения, и в более скрытую форму это перейдет со временем, когда все в стране уляжется. Преступный мир тоже ведь слепок общества.

Беседовал Евгений НЕКРАСОВ.
Фото Виктора СМОЛЬЯНИНОВА.

Леонов Николай

20.6.96.